

— Эти вещи возьми пока себе. У нас в деревне Сяоси народ по большей части добросердечный и честный. Гляжу, у тебя лицо открытое, на бродягу или вора ты не похож, так что пользуйся на здоровье.

— Это... — Он принял сверток и заглянул внутрь: там, помимо нескольких Вотоу, лежали рис, еще не до конца очищенный от шелухи, и немного соли — еды вполне хватило бы на несколько дней.

Пэй Инчуан оказался в этих местах лишь сегодня утром, но и только что ушедшие братья Цинь, и Староста Е — все они проявили к нему невероятную доброту. Сердце его преисполнилось благодарности, и в то же время он чувствовал, что ему невероятно повезло.

— Спасибо, Староста, — искренне поблагодарил Пэй Инчуан.

— Меня зовут Е. Если в будущем что понадобится, приходи ко мне. Только вот за хижину ходить не вздумай.

— Хорошо.

За хижинкой начиналась деревня Нангоу. И Староста Е, и Цинь Эрлан предупреждали его не соваться в ту сторону. Похоже, давние обиды оставили глубокий след, и жители двух деревень никогда не общались между собой. Если он опрометчиво заявится туда, то может навлечь беду на людей из деревни Сяоси.

Поскольку он здесь человек новый, да и в деревне Сяоси его пока никто толком не знает, лучше не ходить вглубь деревни. Стоит сначала пообвыкнуться, познакомиться с соседями, а уж потом выведывать прочие новости.

Прижимая к груди сверток, полученный от Старосты, Пэй Инчуан направился по проселочной тропинке к хижине на небольшом пригорке.

К счастью, Цинь Эрлан уже показал ему дорогу, да и идти было недалеко — минут пятнадцать пути. По пути он обнаружил заросли дикого лука. Такие же когда-то росли во внутреннем дворе его дома, с яичницей — просто объединение.

Он шел и собирал лук, попутно обдумывая меню на ближайшие дни. Вотоу, что дал Староста, долго не пролежат, их надо съесть в первую очередь, а рис приберечь для каши на потом.

На пригорке и межах в изобилии цвели одуванчики и уже выбросили цветы амаранты, так что голодать не придется. К тому же, если обойти деревню, там начинались горные хребты — живя у гор, всегда найдешь, чем прокормиться.

Пэй Инчуан по натуре был человеком непритворным, и ему было все равно, где жить. В

юности он скитался вместе с семьей, а повзрослев, погряз в бесконечной суете, поэтому такая стабильная, тихая деревенская жизнь была именно тем, к чему он стремился. Так что плохие бытовые условия — это сущий пустяк.

В хижине не было воды, так что по возвращении первым делом нужно отыскать источник: вода нужна и для готовки, и чтобы умыться. Если огонь, который разожгли братья Цинь, погаснет — будет беда, придется идти в деревню просить искры.

Обдумав все насущные дела, Пэй Инчуан подошел к хижине и, взглянув на нее, понял, что она в еще более плачевном состоянии, чем он предполагал.

Раньше он думал, что крыша просто протекает, но оказалось, что глиняные стены и деревянные перекрытия давно прогнили. Образовавшиеся щели кто-то заткнул старой рваной соломой, только так и спасались от сквозняков.

Он наугад подобрал с земли деревяшку, слегка сжал ее, и она тут же рассыпалась в труху.

Брови Пэй Инчуана впервые за день нахмурились: хижина, по сути, осталась без стен, того и гляди, ветер ее разнесет.

К тому же, у хижины не было двери. И хотя этот пригорок находится поодаль от деревни и людей здесь почти не бывает, минимальную приватность все же нужно соблюдать. Придется пока прикрыть вход соломой.

— Что ж, как-нибудь перебыюсь, — он отряхнул щепки с одежды, успокоил себя и, прихватив дикий лук, вошел внутрь.

Едва переступив порог, Пэй Инчуан почувствовал неладное: солома на полу была сбита, совсем не так, как когда он уходил. Похоже, кто-то здесь рылся.

— Хорошо хоть, чайник на месте, — это было его единственное «имущество». Потеряй он его, пришлось бы жевать сухие зерна риса.

Он подошел к земляной яме, где братья Цинь разводили огонь. В золе еще тлели угли, и он поспешно подбросил сухой травы, раздувая пламя.

Убрав место для сна, Пэй Инчуан отправился искать воду. Пройдя метров триста-четыре, он наконец нашел за грудой камней у подножия холма небольшой ручей. Воды было немного, но на одного человека вполне хватит.

А в небольшой лужице, оставшейся от ручья, обнаружили крабы и улитки — он набрал их для супа.

День клонился к вечеру, ночи становились длиннее. Когда в чайнике закипел суп из крабов и дикого лука, Пэй Инчуан уже закончил перебирать рис. Солнце клонилось к закату, еще полчаса — и наступит вечер.

Мяса в крабах почти не было, да и вкус оказался странноватым, но у нищего Пэй Инчуана выбора не было. Он помешал суп деревянной палочкой.

— Ш-ш-ш...

— Кто здесь? — Пэй Инчуан обернулся на звук. Он был очень странным, будто осколки керамики трутся друг о друга.

Его взгляд упал на тот самый угол, где сегодня утром уже слышался шорох, и где сейчас по-прежнему лежала груда соломы.

Глиняные стены дома давно прогнили, возможно, за соломой что-то пряталось.

Будучи человеком осторожным, Пэй Инчуан направился к углу, держа в руках горячий чайник с супом. Чем ближе он подходил, тем отчетливее чувствовал странный запах — резкий, приторный, похожий на запах свежей крови.

Неужели дикие собаки или кошки притащили сюда свою добычу?

Пэй Инчуан не был уверен, но в случае чего он был готов выплеснуть горячую похлебку.

Он приближался шаг за шагом, запах крови становился все сильнее, и лишь у самой кучи соломы Пэй Инчуан понял, откуда он исходит.

Он разгреб ворох соломы, запах крови ударил в нос, а представшая картина заставила его вздрогнуть.

Среди соломенной трухи свернулся клубком юноша. Подросток был крайне истощен, одежда — в грязи и лохмотьях. Черные волосы разметались по лицу, глаза плотно закрыты, а нижняя часть лица была перепачкана кровью — похоже, он был без сознания.

Не раздумывая, Пэй Инчуан поставил чайник и осторожно вытянул подростка из соломы.

Стоило ему приподнять юношу, как из его рта хлынул поток свежей крови.